

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

СОРТИРОВКА И ОТБРАКОВКА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Штрихи к портрету либерала

Нам только повод дай, а что сказать, мы всегда найдем. Повод дала **Татьяна Никитична Толстая**, вдруг заявившая, что я “презираю интеллигенцию”.

Бог с вами, Татьяна Никитична, как вам такое вообще в голову могло прийти. Ряд моих недавних текстов действительно имел критический настрой – но касался он никак не интеллигенции в целом, но либеральной интеллигенции, или, если брать чуть шире, новых буржуазных элит.

Либеральная интеллигенция и новая буржуазия – это не совсем одно и то же, но в целом объекты соприкасающиеся. Например, **Михаил Прохоров** – это яркий представитель новых буржуазных элит, а прекраснодушные люди, что организовали группу его поддержки – это либеральная интеллигенция.

Надо заметить, что расхождения между **Путиным** и **Прохоровым** на общественном уровне – чисто стилистические. Занимаются они примерно одним и тем же, и поддерживают их из числа элитариев примерно одни и те же люди (... плюс искренне, от всей своей широкой души заблуждающиеся. То, что, скажем, **Александр Проханов** очень хочет поверить в патриота Путина, больше говорит о Проханове, чем о Путине. С тем же успехом **Евгений Ройзман** пытался убедить себя в искренней оппозиционности Михаила Прохорова).

Над тщетными попытками нынешней буржуазии считать себя новой российской аристократией либеральная интеллигенция для виду посмеивается, но в целом она за продолжение этого, что называется, тренда. Патентованные выгодоприобретатели приватизации должны стать нашим дворянством и взять управление страной в свои твердые руки.

То, что дворяне из них получают не многим лучше, чем из числа бывших кагэбешников, либеральную интеллигенцию не очень мучает.

Нам очень любят рассказывать байку, что “первичное накопление капиталов в США” тоже было бандитское – но раз у американцев образовалась своя элита из бывших бандитов, значит, и нам надо подождать.

И вот мы прождали четверть века, у первых приватизаторов уже внуки выросли – а результат не просматривается. Где эти меценаты и просветители, душу и кошелек готовые положить на благо России? Давайте, может быть, еще полвека подождем? Мы же не торопимся никуда.

Либеральная интеллигенция, как в том пошлом анекдоте про двух зэков, по поводу наших буржуазных элит упрямо заявляет: “А нам они нравятся!”.

Почитайте, к примеру, рассказ **Виктора Ерофеева**, как однажды у него в гостях собралось сразу пять российских миллиардеров. Это ж не рассказ, это — ода.

Если бы сегодня вместо Прохорова в политику пошел бы любой представитель российского списка “Форбс”, либеральная интеллигенция сразу же составила его пламенную группу поддержки. Любой, говорю, миллиардер. То есть тип, ничем кроме наличия необъятных денег до сих пор не подтвердивший своего права претендовать на управление Россией.

Ситуация с самозваной аристократией отчасти отражает ситуацию с самозваной либеральной интеллигенцией.

Дело в том, что класс интеллигенции в Советском Союзе был, как многие до сих пор помнят, действительно обширен. К интеллигенции относились все эти пресловутые физики и лирики, читатели толстых журналов, учителя и даже библиотекари, кандидаты и доктора гуманитарных и прочих наук, инженеры НИИ.

К несчастью, почти все из них были деморализованы либеральными реформами и низведены на маргинальный уровень. Эта интеллигенция исчезла как класс — мало того, либералы еще и оттоптались на них. Ну-ка, давайте вспомним, сколько раз мы читали в прессе про НИИ, где “никто не работал” и “все просиживали штаны”? Ничуть не реже мы слышали про бессмысленность и скудность советской филологической школы (на самом деле, одной из сильнейших в мире и ныне рассеянной).

Даже не будем затевать долгий разговор о существовании рабочей и крестьянской интеллигенции. (Хотя была и такая: собственно, я сам вырос в интеллигентной крестьянской семье и являюсь горожанином в первом поколении: все мои предки в прямом смысле пахали землю, отец первым из числа всей моей многочисленной деревенской родни получил высшее образование и стал сельским учителем). В наши времена об этом вспоминать моветон.

Та же Татьяна Никитична Толстая в интервью, где обвинила меня, заодно обвиняет дореволюционное крестьянство в презрении к интеллигенции, которая из сил выбивалась, чтоб этого крестьянина обучить и вылечить — а он, зверь пахучий, нос свой воротил и на “спасибо” так и не разорился.

Дореволюционное крестьянство — дело прошлое, а вот презрение либеральной интеллигенции ко всем остальным советским видам интеллигенции — вещь очевидная.

Произнесите в присутствии Татьяны Никитичны, к примеру, “советская рабочая интеллигенция” — и по ее вспыхнувшему взору сразу убедитесь в моей скучной правоте.

Наряду с ликвидацией иных социальных видов интеллигенции, либералами были побеждены в неравном бою и прямые идеологические оппоненты: в частности, интеллигенция “левого” и “правонационалистического” толка. Найти сегодня серьезного человека, вслух готового сказать о симпатиях, скажем, к журналу “Наш современник”, фактически невозможно. Но, между прочим, там по сей день публикуется ряд крупнейших мыслителей и литераторов современности.

Сегодня либеральная интеллигенция даже не втайне, а въяве уверена, что никаких других интеллигентов кроме них самих не существует.

Это как-то незримо, но вместе с тем ощутимо рассеяно в воздухе.

Вот давайте честно ответим себе на вопрос, кого мы считаем интеллигентом? Если не задумываться и отвечать мгновенно, услышав (навскидку) фамилию “**Ростропович**”, любой из нас тут же ответит “да, это интеллигент”, а услышав “**Василий Белов**” — даже я, и то задумаюсь.

Татьяна Толстая — точно интеллигент, никто не спорит, а **Валентин Распутин**... да Бог его знает!

Но разве моральный вес или интеллектуальная правота Ростроповича так уж кардинально превосходили моральный вес и интеллектуальную правоту Василия Белова?

Ответ простой: Белов не являлся носителем либеральных ценностей, а таких интеллигентов, как мы откуда-то поняли, не бывает.

Либеральная интеллигенция очень любит возводить свою генеалогию, например, к **Чехову** или к **Михаилу Булгакову**, что, хоть и лестно ей самой, никакого отношения к действительности не имеет.

С тем же успехом можно и Блока назвать либералом.

Если любой здравомыслящий человек попытался бы представить, как Чехов, Блок или Булгаков относились бы к нынешним либеральным витиям — он бы натурально ужаснулся.

Своим оппонентам либеральная интеллигенция очень любит рекомендовать читать “Бесов” Достоевского, и тут вообще все переворачивается с ног на голову. Потому что “Бесы” — именно что антилиберальный роман, и к столу лелеемому либералами февралю 1917 года имеет отношение куда большее, чем к октябрю.

Между прочим, царя свергли либералы, а то мы все время забываем об этом. И отречение его тоже приняли, не поверите, либералы. Мало того: Гражданскую войну развязали никто иные, как либералы. Большевики, да, забрали у них власть (тоже, кстати, фактически бескровно) — но никакого желания воевать по этому поводу не изъявляли. Однако от созидательной государственной деятельности их надолго отвлекло антисоветское либеральное подполье и военные походы, организованные генералами, не желавшими расставаться с завоеваниями февраля — ну, то есть, патентованными либералами.

Неповоротливые большевики, две трети истории Советского Союза тщетно пытавшиеся сдвинуть создаваемый ими строй на позиции консервативной революции, должны были “Бесов” популяризировать и переиздавать, а не наоборот. Тогда бы в конце 80-х у интеллигенции была бы реальная возможность узнать многих бесов в лицо.

Но этот процесс задержался на четверть века.

Сегодняшние путешествия по России, желательно не из Москвы в Петербург, а из Калининграда во Владивосток, дают удивительное ощущение наличия — да, обедневшей, да, брошенной, да, разрозненной, — но, безусловно, что называется, национально ориентированной интеллигенции. Вовсе не либеральной, но, скорей, как либералы бы сказали — охранительной. И вместе с тем в чем-то куда более радикальной, чем интеллигенция либеральная.

И это тоже парадокс, который либеральная интеллигенция замечать не хочет никак. В России есть огромное количество образованных, воспитанных и крайне полезных обществу людей, которые, не поверите, кардинально иначе, чем либеральная интеллигенция, расценивают и ситуацию в России в целом, и все последние скандалы — от дела “Пусси Райот” до дела Магнитского, — и при этом вовсе не стремятся голосовать всеми руками за действующую власть, но зачастую презируют ее еще острее и болезненней.

Наверное, надо перечислить несколько отличительных черт либеральной интеллигенции, чтоб было понятно, в чем ее отличие от просто интеллигенции.

Для начала, представители либеральной интеллигенции — категорические антисоветчики. Наверное, не все антисоветчики — либералы, но большинство либералов, ничего тут не поделаешь, неистово презируют все советское.

Между тем, советское — это как раз апофеоз народного участия в истории. И в самом высоком смысле, и в самом дурном. С одной стороны, — это серебряный век престонородья, давший России целую плеяду имен ученых, военачальников, писателей, музыкантов, режиссеров: что бы нам теперь ни рассказывали про “вертикальную мобильность” царского времени — там и близко не было подобной ситуации. С другой стороны — да, неотъемлемая часть советского проекта — все те безобразия, которые творила “чернь”: отменить их невозможно, и забыть не удастся.

Однако либеральная интеллигенция видит в большевистской революции и советской истории исключительно “окаянные дни” и всевластие “кухарок”.

В итоге, когда наши либералы рассказывает, как они любят народ, я почему-то втайне думаю, что под “народом” они имеют в виду по большей части свое отражение в зеркале.

Именно поэтому либеральная интеллигенция так любит повторять, что она не обязана любить народ в его худших проявлениях — а любит его за лучшие качества. Вот я и говорю: либеральная интеллигенция — любит под видом народа себя как носительницу лучших качеств народа.

И пусть вас не вводит в заблуждение недавнее участие ряда либеральных деятелей в недавних массовых протестах.

В целом либеральная интеллигенция никакой революции не желает. Она желает другого — оседлать любые стихийные процессы, чтоб истинно национальной революции не случилось.

Народа, ну, то есть черни, либералы втайне ужасно боятся и сделают все, чтоб чернь в свои руки власть не взяла никогда. А то “мы помним, чем все это закончилось”.

Именно поэтому либеральная интеллигенция из числа литераторов так до комизма односторонне описывает события октября 1917 года. Тут недавно вышел первый серьезный роман **Бориса Акунина** “Аристократия” (на самом деле, такой же серьезный, как и все остальные его книжки про Фандорина) – так это тысяча первый пример беллетристики подобного рода. Все большевики в романе (кроме одного маньяка, свихнутого на своей честности) – натуральное зверье и дегенераты, а их противники – Белые рыцари. Акунин их так и называет: Белые рыцари.

То, что в Белой армии был повально распространен антисемитизм и антисемитские листовки над красногвардейскими частями разбрасывались этими “рыцарями” с последовательностью просто удивительной, либеральная интеллигенция предпочитает не помнить. Что еще раз подтверждает, с каким неприятием и ужасом взирает либеральная интеллигенция на “чернь”: противникам “черни” можно простить все что угодно.

И если эта “чернь” приходит к власти, то пусть тогда страны такой не будет вообще в природе.

“А насчет Родины... К черту такую Родину”, – так завершается одна из глав акунинского романа. Слова эти произносит главный (и очень симпатичный автору) герой, покидая Россию после большевистской революции.

Критик **Лев Пирогов**, читая дневники **Андрея Тарковского**, однажды обратил внимание на рассуждения режиссера о том, что жить в Союзе стало совсем невыносимо, и вот поэтому пришлось уехать.

Почему, задался резонным вопросом Пирогов, представить в такой ситуации **Василия Шукшина** просто невозможно?

Они ж в одной стране жили. И оба были великим режиссерами. И обоих мучили чиновники от культуры.

Но чтоб Шукшин уехал?

Все помнят 90-е годы – безусловно ставшие апофеозом либерализма в России.

Можем ли мы себе представить, что любой представитель т.н. патриотической интеллигенции взял бы да и уехал из России тогда? – потому что жить в такой стране ему – по не менее понятным причинам, чем в случае с Тарковским! – было совсем невыносимо.

Ситуация как раз обратная: **Виталий Коротич**, редактор флагамена либерально-буржуазной революции – журнала “Огонек”, в 1991 году, от греха подальше, перебирается в США (нет бы полюбоваться на торжество либеральных идей в России!), а **Александр Проханов** в 1993 году, насмотревшись, как его товарищей в Белом доме расстреливают из пушек, бежит в компании критика **Владимира Бондаренко** в рязанскую деревню к писателю **Владимиру Личутину**.

Нашел куда бежать! Нет бы в Шанхай поехал.

Евгений Евтушенко, опять же, после 1993 года отбывает все в те же США, а **Эдуард Лимонов** – имевший тогда французское гражданство – прячется в Твери у знакомых своих знакомых. А как же Париж?

Вы скажете, что это случайные примеры, а я скажу, что концептуальные.

Потому что, если к власти придет Михаил Прохоров, ни один еще живой деревенщик и шагу не ступит из России. А если президентское кресло в результате некоего чуда займет **Геннадий Зюганов** (я уж не говорю про Лимонова!), – даже не стоит начинать перечисление тех, кто отсюда немедленно переберется куда подальше, шепотом повторяя: “К черту такую Родину!”.

Очень многие, да.

Свобода больше Родины – вот главный, но не произносимый вслух жизненный постулат либеральной интеллигенции.

Вместе с тем сказать, что либералы не любят Россию – было бы и глупо, и подло. Они ее любят, но выборочно. Новгородскую республику, Александра Освободителя, февральскую революцию любят. Матушку Екатерину иногда, но реже, реже. Выбор, в общем, не густой, но все больше, чем ничего.

В этом, кстати, отличие российского либерала от украинского или прибалтийского – те за любую строчку в своей истории глотку перегрызут – кро-

ме всех строчек, связанных с Россией. Беда в том, что там не связанных с Россией строк — раз, два и обчелся, поэтому их приходится додумывать.

И наш либерал, в России неустанно разглагольствующий на тему местного фашизма и ожидаемых погромов, по какой-то малообъяснимой причине, будучи в гостях у прибалтийских или украинских соседей, с их улицами и площадями, названными в честь натуральных профашистских людоедов, этих вопросов не касается категорически.

Объясняется все, опять же, просто: “национальные герои” воевали против советской власти, это важно, это ценится.

Интеллигент либерального образца с огромным нежеланием выступает в качестве адвоката России, когда о ней заходит речь — а вот в качестве обвинителя по любому вопросу готов выступать сплошь и рядом.

Сложная ситуация и с православием. Сказать, что либералы воюют с православной верой — значит, некрасиво солгать. Однако порой создается ощущение, что либералы явственно предпочитают мертвых православных священников — живым. Например, пойти к Соловецкому камню и принародно опечалиться о гибели священства в советских лагерях — это да, это обязательная программа. Но заставьте либерала принародно сказать добрые слова о деятельности РПЦ в наши дни — он с лица сойдет.

Между тем, это одна и та же церковь, и я даже не думаю, что те, убитые комиссарами, священники как-то принципиально отличались от ныне действующих, относиться к которым как минимум скептически стало нынче в либеральной среде правилом хорошего тона. Все, кто недавно наблюдали в социальных сетях и прессе буйную радость, что “Большую книгу” дали “не попу”, в очередной раз имели прекрасный шанс убедиться в этом.

В целом же жизненная философия либеральной интеллигенции кроется в неустанных мантрах об эволюции (им очень нравится это слово), она же — социал-дарвинизм (это слово им не очень нравится, хотя разницы никакой).

Под эволюцией они понимают исключительно торжество либеральных ценностей, а все, входящее с этими ценностями в противоречие, числят по разряду “мракобесия”. Любая дорога, помимо либеральной — “тупиковая ветка истории”, утверждают либералы, причем с таким апломбом, словно уже прожили историю человечества на тысячу лет вперед и вернулись к нам в день сегодняшней нас просветить.

Мы все поняли, спасибо. Это был хороший и важный урок.

Ответ на этот урок будет короток и прост.

Во-первых.

В советской истории было много ужасного, убогого и ханжеского, мы не слепые и тоже это видим. Но вместе с тем это был момент безусловной реализации народного потенциала — причем реализации во многом ошеломительно успешной.

Будущая Россия нуждается именно в этом: высвобождении национальных сил.

Высвобождение должно произойти не на основе вашей пресловутой дарвинистской концепции конкуренции и частной инициативы, а в результате смены неолиберальной экономической модели на модель просвещенного патернализма.

Во-вторых.

Буржуазия — это не наша аристократия, в основной своей массе, за редкими исключениями, никогда ей не будет, и ждать этого чудесного превращения целому (вымирающему с огромной скоростью) народу — нет никакого резона.

Нынешняя власть либеральна в силу той простой причины, что освободила деньги. Либерализм — это свобода, верно? В России деньги свободны как мало где в мире. Эти деньги плавают где хотят и не очень охотно возвращаются сюда — а должны пастись здесь, в России, и работать только на Россию.

В-третьих.

Православие ни в чем перед вами не виновато, и вред от неразумных действий отдельных священников тысячекратно ниже той колоссальной пользы, что приносит институт церкви России и русским людям.

Далее.

В России есть интеллигенция, которая ненавидит сложившийся порядок вещей куда яростней, чем вы. Просто счеты у нас к власти несколько разные.

Ну и ничего не поделаешь, Родина важнее вашей свободы.